

Она отвернулась, избегая его прикосновения, и прикрыла глаза рукой, но сквозь пальцы все равно продолжали капать слезы.

— Я боялась, что вы уже уехали, и не знала, куда вас искать... Я вернулась сюда, и, к моему удивлению, вы все еще здесь...

Она стояла перед ним, рыдая, словно дождь, обрушившийся с небес.

Накормившись в ресторане на площади и согревшись, она все еще не могла избавиться от румянца на щеках.

Ночная Флоренция все еще была ярко освещена. Прогуливаясь по улице, заполненной уличными художниками, он подошел к одному из них, заговорил, взял у него скрипку, протер ее платком и сыграл для нее мелодию «Зеленые рукава».

Они шли вдоль тихого берега реки, а затем на вращающейся смотровой площадке ждали рассвета.

Он снял свой пиджак и накинул его на нее, чтобы согреть. Утренний ветер пронизывал до костей, но он стоял, спокойно глядя на небо, и его холодное и одинокое выражение лица было даже холоднее, чем ветер.

Она потянула его за рукав и с тревогой задала вопрос, взгляд ее бегал, она боялась отказа:

— Вы могли бы... обнять меня?

Он замер на мгновение, но все же раскрыл руки и обнял ее. Она распахнула накинутый на нее пиджак, укрыв и его, затем крепко обняла его за талию, прижав лицо к его груди.

На рассвете она наконец снова заговорила:

— Я думаю, что люблю вас... Да, я люблю вас.

Она полагала, что никогда не произнесет эти слова, но, сказав их, поняла, что открыть свое сердце было совсем не трудно. Ее голос был мягким и хрупким, она все так же осторожно спросила:

— А вы... хоть немного... любите меня?

Он долго молчал, затем медленно провел рукой по ее лицу, его взгляд был сосредоточенным и мягким, но он не ответил.

И она уже знала его ответ. Ей хотелось смеяться от счастья, и слезы снова наполнили ее глаза.

Оказывается, любовь — это такая удивительная вещь. Она не нуждается в громких словах или обещаниях, она даже не знала его настоящего имени, но смогла так легко отдать ему свое сердце.

Ошибка встречи. Прекрасное путешествие. Но время было так коротко, что не хватило времени забыть или сосчитать. Получить и потерять всегда больнее, чем никогда не иметь — это был конец, которого они оба не могли коснуться.

Она улыбалась сквозь слезы, тихо говоря:

— Такой большой мир, но я встретила вас, это самое счастливое событие в моей жизни.

Глубокий рассвет постепенно разрывался, горизонт раскололся, и свет озарил землю.

Солнечный свет залил весь мир.

— Доброе утро, Клорис, — медленно произнес он.

— Доброе утро, Сирил, — ее слезы наконец упали.

Черная машина остановилась перед ней, она взяла подол платья, поклонилась ему в последний раз и, обернувшись, чтобы уйти, он окликнул ее.

— Клорис.

Она быстро обернулась. Казалось, она почувствовала свою торопливость и смущенно сжала губы. Ее прекрасные зеленые глаза все еще были такими же яркими, как при их первой встрече, но в них таилась слабая и жалкая надежда.

Он улыбнулся, улыбка была такой легкой, но глубоко тронула ее сердце. Возможно, именно потому, что выражение его лица было таким редким, эта улыбка казалась бесценной.

Они смотрели друг на друга. Долгое время спустя он сказал:

— Завтра в это время купите флорентийскую... утреннюю газету.

*

Клорис стояла перед своей матерью, почтительно здороваясь. Но, к ее удивлению, она не получила никаких упреков. Мать лишь спокойно посмотрела на нее, кивнула и велела ей хорошо отдохнуть.

Она вернулась в свою комнату, села на кровать и долго сидела, обнимая своего любимого плюшевого мишку. Внезапно она словно что-то вспомнила, быстро вскочила, сделала пару шагов, затем вернулась, чтобы надеть туфли, накинула шаль на плечи и, отрегулировав одежду, вышла из дома, двигаясь как настоящая леди.

Затем слуга сообщил ей, что во Флоренции есть только вечерняя газета, а утренней нет.

Она долго стояла в замешательстве, прежде чем пришла в себя. Ее ожидание стало еще сильнее, он никогда бы ее не обманул.

Она с нетерпением ждала, когда пройдет время, и наступит следующий день.

В то утро, в день их договоренности, за завтраком большинство семей узнали шокирующую новость. Флорентийская вечерняя газета стала утренней. Хотя тираж этой газеты был небольшим, и она была популярна только во Флоренции, это все равно вызвало удивление у всех подписчиков и большинства неподписчиков. Никаких слухов об этом заранее не было — хотя некоторые знали, что газета была частной, и такие изменения, хотя и вызывали вопросы, не были таким уж большим сюрпризом.

Однако люди заметили, что большая часть газеты осталась прежней, изменения были лишь в деталях, чтобы соответствовать формату «утренней газеты». Самым большим сюрпризом стало появление новой колонки на самом видном месте.

Колонка называлась: «Доброе утро, Клорис».

Ее содержание было стихотворением.

*

Берег сказал реке: «Я могу сохранить только твои следы в моем сердце».

Ночь, я ощущаю твою красоту,

Как ту, чью лампу погасил любимый.

Пусть у мертвых будет неувядаемое имя,

Пусть у живых будет любовь вечная.

Любовь — это жизнь, переполненная,

Как бокал, доведенный до краев.

Листья становятся цветами в любви,

Цветки становятся плодами в поклонении.

Плод! Как ты далек от меня?

Цветок! Я таюсь в твоём сердце!

Любовь строит мост между конечным и бесконечным.

Даже если любовь принесет тебе лишь печаль, доверься ей.

Не закрывай свое сердце.

Даже когда я умру, о мир,

Оставь в своем безмолвии для меня:

«Я любил».

*

На следующий день, через день, еще через день...

Люди привыкли к утренней газете. И к колонке в ней.

Каждый день было новое стихотворение. Красивое, сладкое или печальное. Стихотворение, наполненное глубокой тоской.

Люди привыкли начинать свой день с такого стихотворения. Они даже гадали, не было ли это изменение в газете действием талантливого поэта, который хотел ухаживать за своей возлюбленной или увековечить ее память. Прекрасная любовь всегда вызывает восхищение и уважение. Люди даже были более терпимы к ее существованию, чем можно было ожидать.

В том году семья Сапфир, известная как «Голубой сапфир» Флоренции, заключила брачный

союз с семьей Кейн из Испании. Та прекрасная девушка превратилась из мисс в мадам. Но мадам Клорис, хотя и покинула Флоренцию, все же ежегодно выписывала местную газету. Каждое утро за завтраком она читала газету, прежде чем приступить к еде. Иногда она была счастлива, иногда грустила, но больше никогда не проливали ни слезинки.

Ее слезы высохли в то утро, когда флорентийская вечерняя газета стала утренней.

□□□□□□

Сирил вернулся во Францию.

Он провел день рождения в Англии, где был вынужден устроить прием, чтобы объявить, что наследник Серебряной Луны стал на год старше, заодно предоставив всем участникам, от придворных до бизнесменов и знаменитостей, повод для веселья. Но его постоянное место жительства оставалось во Франции. Возможно, из-за спокойной и наполненной ароматом цветов обстановки?

Поэтому, когда упоминали его, большинство все еще называло его графом Сирень.

Это путешествие не принесло ему никакой существенной пользы, скорее наоборот, он оставил часть своего сердца в том красивом и культурном городе.

Он еще не понял, что такое любовь, но в его сердце поселилась тень, которую он не мог отпустить.

Возможно, их встреча была слишком прекрасной, возможно, на него повлияли воспоминания из будущего, возможно, он действительно был слишком одинок, и когда их сердца столкнулись, он не смог удержаться от того, чтобы схватить то, что приносило боль и воспоминания, но от чего он не мог отказаться.

Но ей суждено было выйти замуж, и он не мог сказать ей, что действительно любил ее... хоть немного.

Четыре года он ни на день не забывал писать для нее стихи.

<http://bllate.org/book/17714/1655116>